

«Интересно было подойти к барьеру
близко-близко и разглядывать Геринга.
Подойдешь и смотришь, а он злобно
поглядывает, но взгляд не отводит»

В 1946-м процесс можно уже было снимать на цвет

Так выглядела тюрьма в Нюрнберге, в которой
на каждого заключенного нациста приходилось
чуть ли не дюжина американских солдат

Фотограф Гитлера Генрих Гофман рассматривает
пленки-доказательства. 22 ноября 1945 г

«Известия» от 16 декабря
1945 года

Представитель американского военного
трибунала Томас Додд с вещественным
доказательством — препарированной
человеческой головой

Свидетельские показания
на ПРОЦЕССЕ дает Пауль Кёнер. 1945 г

Карикатурист **Борис Ефимов:**

«Геринг сидел багровый и возбужденный, а Риббентроп был как мумия»

К 60-летию Нюрнбергского процесса

Борис Ефимов родился на три месяца раньше XX века, свою первую карикатуру — на министра Временного правительства Родзянко — опубликовал в Петрограде в 1916 году. В «Известиях» он работал с 1922-го, с перерывами, а количество его рисунков, украсивших страницы газеты, исчислялось десятками тысяч. Борис Ефимов как карикатурист «Известий» работал и на Нюрнбергском процессе, оставив множество едких и пронзительно точных зарисовок, которые сейчас раскрывают зрителю едва ли не больше деталей, чем фотографии и кинохроника. Своими воспоминаниями о фигурантах процесса и о своих рискованных взаимоотношениях со Сталиным Борис Ефимов поделился с Юлией Кантор.

ИЗВЕСТИЯ: Как вели себя подсудимые на Нюрнбергском процессе?

Борис Ефимов: Например, Геринг сидел в первом ряду на первом месте. Очень возбужденный, активный, багрового цвета. Пытался привлечь к себе внимание, рисовался, особенно поначалу. Интересно было подойти к барьеру близко-близко и разглядывать его. Подойдешь и смотришь, а он злобно поглядывает, но взгляд не отводит. Риббентроп был абсолютно подавлен, совершенно не реагировал на происходящее, сидел как мумия. Розенберг пребывал в прострации, мутным взглядом обводил зал, ни на ком не фиксируясь. А Кейтель был вполне бодр, даже горд.

ИЗВЕСТИЯ: А когда вы впервые увидели Сталина?

Ефимов: Это был 1922 год. Я из Киева, где провел юность, где пережил Гражданскую войну, перебрался в Москву. В Киеве власть менялась 12 раз — большевики, Временное правительство и петлюровцы сменяли друг друга. Когда одна власть выбивала другую, разумеется, под руку попадало население... Погромы в Киеве тогда не было — им было некогда разбираться. Всех громили... Так вот, Миша (Михаил Кольцов, — «Известия») брал меня с собой на всякие мероприятия. И как-то он потащил меня на какое-то партийное собрание в Большой театр. Мне было очень интересно, я надеялся увидеть Ленина и Троцкого. Но их там не было. Я заскучал. Вдруг Миша толкнул меня в бок и прошептал: «Смотри, смотри. Вот выступает фактический

диктатор России». Эта фраза меня поразила: потому со стенографической точностью я и сейчас помню эту его фразу и какую-то напряженную интонацию. Я ошарашенно посмотрел на него: «Вот этот?» Невзрачный человек в мятых штанах, заправленных в сапоги. Говорит монотонно, глуховатым голосом, довольно скучно. Я тогда не очень поверил Мише, но знал, что он редко ошибается. Он был не просто умен и проницателен, у него была безошибочная интуиция.

ИЗВЕСТИЯ: Видимо, у Сталина тоже — Кольцова, с его популярностью, с еще не атрофированным умением мыслить свободно, оставить в живых вождя не мог. Сталин, когда Кольцов народным героем вернулся из Испании, спросил его, нет ли у него пистолета и не собирается ли он им воспользоваться. Это было предупреждение?

Ефимов: И мне кажется, что Миша это понимал. Вечером Миша мне рассказал: «Ты знаешь, что прочел у него в глазах? С таким прыжком». Миша не ошибся — это был приговор. После того разговора со Сталиным о пистолете ему звонил Ворошилов и сказал: «Вас любят, вас ценят, вам доверяют». У нас отлегло от сердца. А Сталин просто не торопился: Кольцов ему пока был нужен. У Сталина была

такая манера — обреченного он обязательно вызывал к себе и подбадривал, обнадеживал. В это время уже мог быть выпущен ордер на арест. Так было и с моим братом. Кольцов был назначен главным редактором «Правды» — что может быть выше?! Вскоре после назначения Сталин вызвал Мишу к себе в ложу, расспросил, как идут дела в газете, был очень доброжелателен, предложил сделать доклад для писателей о выходе в свет нового «Краткого курса истории ВКП(б)». Миша сделал этот доклад. Вечером того же дня его арестовали.

ИЗВЕСТИЯ: «Месье — это блюдо, которое нужно подавать холодным» — излюбленный афоризм Сталина...

Ефимов: О да. Но сильнее запредельной мстительности, пожалуй, была его непредсказуемость. Он часто не делал того, чего от него ожидали, и делал то, чего не ждали. Это одна из его сторон — непредсказуемость и капризность. Ленин о нем сказал — «капризный человек». Каприз — и вы уничтожены, каприз — и вы остались живы. Я попал в категорию выживших по капризу. Но не стоит его примитивизировать, представлять как параноидального фанатика. Это было бы слишком просто.

ИЗВЕСТИЯ: Вы лауреат Сталинской премии. Как получилось,

что родной брат расстрелянного врага народа удостоился такой чести?

Ефимов: «Известия», в которых я начал работать в 1922 году и из которых в 1938-м был изгнан, как брат «врага народа» Михаил Кольцов, отмечали выход своего 10-тысячного номера. Мне заказали праздничный рисунок. Не мудрствуя лукаво, я изобразил мощный локомотив с надписью «Известия», мчащийся на колесах в виде цифры 10 000. Эта незамысловатая картинка была напечатана на первой полосе «Известий», и в том же номере — Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении группы сотрудников газеты. Разумеется, своей фамилии я там не обнаружил — годами меня аккуратно вычеркивали из любых списков на любые награды. Да и как могло быть иначе — родство с расстрелянным «предателем родины»... Но на этот раз меня почему-то заело. Что на меня нашло, сам не знаю. Вместо того чтобы тихо промолчать — от греха подальше, — я решился на авантюру. Я написал письмо ЕМУ. Я! Брат врага народа, я, чудом избежавшей лагерей! Я, который мог мстить только о том, чтобы не нарушилось это хрупкое равновесие. И все же отступал на машинке письмо ЕМУ.

«Дорогой товарищ Сталин! Простите, что я решил обратиться лично к Вам по поводу незаслуженно нанесенной мне обиды. Двадцать семь лет назад, в 1922 году, я начал работать в газете «Известия» в качестве художника-карикатуриста. Количество моих рисунков, помещенных на страницах «Известий», исчисляется тысячами. Последний по счету рисунок напечатан на днях в десяти тысячном номере «Известий». В этом же номере напечатан Указ о награждении в связи с выходом десяти тысячного номера большой группы сотрудников газеты. Моя фамилия в списке отсут-

ствует: редакция «Известий» не сочла нужным представить меня к правительственной награде. Я работаю в советской печати честно и беспорочно тридцать лет, при этом семнадцать — в «Известиях». Неужели моя работа в области печати не заслуживает быть отмеченной наряду с работой других товарищей по газете? Мне кажется, что редакция «Известий» поступила по отношению ко мне неправильно и несправедливо.

11 июля 1949 года. Художник Борис Ефимов».

Написал и отнес в Кулафью башню Кремля. Вышел — и запоздало оцепенел от пронизывающего страха. Однако через пару дней мне позвонил Ильичев, главный редактор «Правды». Пригласил приехать в редакцию. Я помчался, недоумевая — почему «Правда», а не «Известия»? «Садитесь. Ждите звонка», — сказал Ильичев. Жду. «Ефимов, — послышался вскоре в трубке голос помощника Поскребышева. — Товарищ Сталин считает, что по отношению к вам была допущена ошибка. И эта ошибка будет исправлена». Я вернулся домой, не чуя под собой ног.

На другой день развернул газету в предвкушении. Вот сейчас увижу дополнение к Указу о награждении и в нем — свою фамилию. День за днем я ждал, уже начиная думать, что «ошибку» исправят по-другому: вместо награды — ордер на арест. Но через несколько дней мне позвонил секретарь Комитета по Сталинским премиям и попросил срочно приехать в комитет свои работы. Сталинская премия в глазах Хозина была выше любых наград и орденов.

Ампула или петля

Согласно объявленному 1 октября 1946 года вердикту, двенадцать человек — Геринг, Заукель, Зейсс-Инкварт, Йодль, Кальтенбруннер, Кейтель, Риббентроп, Розенберг, Фрэнк, Фрих, Штрейхер — были приговорены к смерти через повешение. Мартин Борман был приговорен к смерти заочно. Эрих Радер, Рудольф Гесс и Вильгельм Фукс получили пожизненное заключение.

Казнь была назначена на ночь на 16 октября, однако Герман Геринг, которого должны были казнить первым, предпочел самоубийство: для этого у него была припасена ампула с ядом. Это была одна из трех ампул, которые Герингу, по разным версиям, удалось пронести с собой, получить от своего врача под видом успокоительных пилюль или найти в куске мыла, переданных в тюрьму бывшим подчиненным. Одну ампулу нашли при первом обыске в тюрьме, вторую Геринг якобы прятал в своей прическе, а третью Геринг завесил начальнику тюрьмы — на случай, если его начальство решит наказать тюремщика за упущенный суицид.

До сих пор неизвестно, где после кремации военных преступников был захоронен или развешен их прах. Также неизвестно, где именно была совершена кремация — в крематории Остфридхоф (Мюнхен) или в концлагере Дахау (пригород Мюнхена).

Тело отравившегося
Германа Геринга

Тело Альфреда Йодля
после казни

1. Дениц
2. Радер
3. Фритше
4. Заукель
5. Йодль
6. Кальтенбруннер
7. Зейсс-Инкварт
8. Геринг
9. Гесс
10. Риббентроп
11. Кейтель
12. Розенберг

1. Герман Вильгельм Геринг 2. Карл Дениц 3. Рудольф Гесс 4. Эрих Радер 5. Йохан Риббентроп 6. Бальдур фон Ширах 7. Вильгельм Кейтель 8. Фриц Заукель 9. Эрнст Кальтенбруннер 10. Альфред Розенберг 11. Адольф Йодль 12. Ханс Франк 13. Франц фон Папен 14. Вильгельм Фрих 15. Артур Зейсс-Инкварт 16. Юлиус Штрайхер 17. Альберт Шпеер 18. Вальтер Фукс 19. Константин Нойрат 20. Яльмар Шахт 21. Ханс Фритше